
СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 60.561.51

Ж. В. Чернова, Л. Л. Шпаковская

ДИСКУРСИВНЫЕ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Родительство представляет собой сложный культурный феномен, который включает набор практик и смыслов, связанных с детством, воспитанием, взглядами на типы отношений между родителями и детьми, мужчинами и женщинами. Оно также является важным элементом идентичности, структурирующим повседневную жизнь, биографические планы и траектории современных индивидов [2]. Другими словами, родительство — это дискурсивный конструкт, содержащий нормативные представления о родительской роли, когнитивные и эмоциональные оценки практик воспитания и заботы, гендерное разделение родительских обязанностей.

В данной статье в качестве методологической рамки нами используется концепция идеала заботы [5]. Понятие идеала заботы включает конвенциональные разделяемые представления о том, что является «хорошей заботой», кто ее должен выполнять и где она может осуществляться [4, р. 333]. Исследователи, использующие этот подход, обращают внимание на то, что многие политические решения в отношении семьи и детства основаны на социально (вос)производимых идеальных представлениях о том, как должна быть организована в обществе забота о детях. Например, А. Хошильд выделяет четыре модели заботы: традиционную, постсовременную, современную модель холодной заботы и современную модель теплой заботы. Традиционная модель связана с мнением, что забота должна осуществляться женщинами в домашней сфере; постсовременная представлена гендерным контрактом «работающая мать», предполагающим совмещение женщинами родительских и профессиональных обязанностей без дополнительной помощи со стороны государства, мужа или других акторов; современная модель холодной заботы основана на представлении о том, что забота может осуществляться вне семьи профессионалами; современная модель теплой заботы связана с представлением о том, что забота должна осуществляться в семейной сфере благодаря равному участию обоих родителей [3, р. 214—222].

© Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л., 2013

В работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики» в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0017. Эмпирические данные включают интервью с 15 отцами и 15 матерями, имеющими детей в возрасте до 10 лет, а также интервью с 20 родителями, являющимися участниками различных родительских сообществ и ассоциаций.

М. Кремер обращает внимание на то, что идеалы заботы выступают моральным основанием для совершения повседневных выборов, кто, как и на каких основаниях должен заботиться, а также как должна быть решена дилемма «забота/оплачиваемая работа». Она выделяет пять идеалов заботы, которые по своему содержанию в целом не слишком отличаются от типологии А. Хошильд [5, р. 263]. Предложенная этими авторами аналитическая схема была использована при разработке методологии проведенного исследования и анализа полуструктурированных интервью с родителями детей дошкольного и младшего школьного возраста.

В ходе анализа интервью были выделены идеал-типические модели родительства. Идеал-типические модели представляют собой субъективные оценки и смыслы практик родительства, которые основаны на индивидуальных интерпретациях имеющихся в обществе идеалов организации заботы о детях. Существенные различия в интервью были обнаружены в рассказах и моральных оценках того, кто являлся/должен являться субъектом заботы, где она осуществляется и должна быть локализована, на каких условиях (платно, на основе родственных связей, поддержки со стороны государства), какова должна быть роль мужчин и женщин, представителей разных поколений семьи, государства и коммерческого сектора в организации заботы о детях.

Понятие идеалов заботы было пересмотрено в соответствии с задачами анализа микроуровня организации и осуществления заботы о ребенке, представленных в родительских нарративах. Мы обращали внимание не просто на то, где, с точки зрения респондентов, должна осуществляться забота, кем и на каких основаниях, но предприняли более детализированный анализ, включающий целый ряд смысловых категорий, используемых в интервью. Анализ интервью показал, что основные системы классификаций строятся вокруг пяти кластеров категорий: 1) брак и отношения с партнером, 2) планирование и рождение ребенка, 3) организация заботы и ухода за ребенком, 4) воспитание и образование ребенка, 5) проблемы и способы совмещения родительства и профессиональной занятости.

Различия в рассказах респондентов об этих аспектах родительства легли в основу выделения идеал-типических моделей родительства. Идеал-типические модели стали результатом аналитического общения и интерпретации значений выделенных кластеров категорий. Данные кластеры являются пересекающимися, классификации могут выстраиваться через сравнения и противопоставления различных практик родительства в ходе жизненного цикла либо через сравнение практик родительства и их идеалов. Идеал-типические модели родительства придают смысл и наполняют содержанием родительские роли (кем должна осуществляться забота о детях, какая забота является хорошей), задают репертуар родительских практик, придают значение этим практикам и эмоционально окрашивают истории, представленные в интервью. Эти модели задают смысловые рамки индивидуальных биографий мужчин и женщин, формируются под влиянием гендерной культуры общества, проводимой государством социальной и семейной политики, дискурсивными предписаниями СМИ и экспертного знания. Таким образом, были выделены следующие идеал-типические модели родительства: 1) родительство как репродукция, 2) родительство как подтверждение ген-

дерно-нормативной роли, 3) родительство как обязанность, 4) родительство как один из жизненных проектов, 5) родительство как сфера самореализации.

Предложенные модели являются гендерно-маркированными. Хотя дискурсивные практики мужчин и женщин в рассказе о родительстве выстраиваются вокруг общих кластеров категорий, некоторые из данных моделей являются более типичными для мужчин, чем для женщин, и наоборот. При этом различные модели родительства часто совмещаются друг с другом в рамках одного интервью, могут характеризовать разные этапы жизненного цикла респондентов и быть представлены в одном нарративе в синхронном и диахронном разрезе повествования.

Родительство как репродукция. Данная модель выстраивается вокруг понимания родительства как естественной функции, связанной с такими категориями, как брак и семья. Родительство представлено как биологически детерминированное, являющееся необходимым и само собой разумеющимся атрибутом определенного этапа жизненного цикла мужчин и женщин. Для этой модели не характерно планирование рождения ребенка, которое как биографическое событие по времени сопряжено с изменением maritalного статуса и часто совпадает с этапом перехода ко взрослым статусам, связанным с окончанием учебы, началом трудовой деятельности и обретением экономической независимости.

Родительские роли выглядят как биологически детерминированные и поляризованные по своему содержанию: женщина «сидит с ребенком», а мужчина «работает». Предполагается, что материнство является естественной функцией и обязанностью женщины, которая выступает основным субъектом заботы о детях. Например, обычной логикой нарратива о материнстве как репродукции является смысловая связка: роды — грудное вскармливание — выполнение всех функций заботы о ребенке. Отец представлен некомпетентным, несведущим субъектом заботы, поскольку он биологически не участвует в процессе рождения-вскармливания ребенка: *«Первый месяц я боялся ребенка. Я сторонился его, такое маленькое, крохотное создание. И все в основном делала жена»* (М., 29 л., женат, дочь 1,7 г.)

Рассказы о репродуктивных планах не включают планирование и рационализацию, а также переговоры с партнером. Наличие детей в семье представляется как данность и результат любовных отношений между партнерами или как нечто, что происходит спонтанно. Следующие примеры из интервью являются типичными для такой модели родительства: *«Мы познакомились. На следующий день мы встретились, потом опять встретились, потом снова встретились, и, провстречавшись около трех с половиной месяцев, мы узнали, что я беременна <...> Естественно, мы не планировали»* (Ж., 22 г., партнерский брак, дочь 1,7 г.).

Проблематика того, какая забота является хорошей, как она должна быть организована, не является актуальной в данной модели. Респонденты не обсуждают принципы организации заботы, не ведут переговоры о переопределении вкладов каждого родителя в уход за ребенком. Отличительная черта модели не столько гендерная поляризация родительских ролей, сколько ее непереговорный, не-проблематичный, естественный характер.

Эмоциональная тональность родительства как репродукции, как правило, имеет положительную направленность. Поскольку проблематика личного вы-

бора и личной ответственности за благополучие ребенка не является актуальной, то сожаления о неправильно или нерационально сделанных выборах отсутствуют в нарративах респондентов. Рассказы о родительстве часто позитивно окрашены, поскольку имеют смысл успешно осуществленного этапа жизненного цикла и соответствующей ему деятельности.

Родительство как подтверждение гендерно-нормативной роли вписано в традиционную гендерную культуру, предполагающую четкое разделение мужских и женских ролей. В данной модели материнство является конституирующим элементом нормативной женской идентичности, подтверждающим ее аутентичность. В интервью с матерями распространенным маркером данной идеал-типической модели родительства выступает категория возраста: *«После того как закончили [учебу в вузе], я пошла работать. Коля тоже подрабатывал, пока учился. И решили, что уже пора, уже возраст»* (Ж., 29 л., замужем, дочь 3 л.). Представление о том, что женщина в определенном возрасте должна стать матерью, безусловно, включает обоснования медицинского характера, однако оно также предполагает определенное видение нормативной женственности. Это представление содержится в рассказах о сложностях, связанных с зачатием ребенка, когда респондентки говорят о страхе нереализуемости материнства.

Маскулинность в данной модели выстраивается преимущественно вокруг профессиональной реализации и предполагает выполнение роли «сильного кормильца». Отцы в большей степени акцентируют внимание на своей финансовой состоятельности. Они удовлетворенно говорят о том, что их семья «ни в чем не нуждается», что они могут позволить себе «побаловать ребенка». При этом отцовство на уровне индивидуальной биографии выступает значимым маркером зрелости и настоящей мужественности.

Родительство здесь представлено как гендерно-асимметричный набор ролей, выполняемых мужчинами и женщинами. Материнские роли связаны с осуществлением заботы и ухода за ребенком, женщины активно и интенсивно вовлечены в материнство на протяжении всего периода взросления детей. При этом именно матери приписывается выполнение экспрессивной функции и эмоциональной работы. Ожидается, что настоящие, «полноценные» матери будут демонстрировать любовь, нежность, теплоту в отношениях с детьми: *«Мама — это очень большое слово, такое емкое. Потому что у меня есть пример, когда дети росли без мамы. Там неполноценность изначальная. И я прекрасно вижу, как, допустим, мои дети — я дарю им всю свою любовь — как они переживают, если мама чуть не обратила внимания, если что-то пошатнулось, они настолько к этому чувствительны»* (Ж., 35 л., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.).

Роль отца в воспитании ребенка представлена как эпизодическая: отец большую часть своего времени проводит вне дома, поздно возвращается с работы, не всегда проводит выходные совместно с семьей и практически полностью исключен из выполнения рутинных родительских обязанностей. Однако существуют «традиционные» родительские обязанности отцов, связанные с краткосрочным включением в заботу и выполнением единичной функции, например купанием ребенка, чтением перед сном, гулянием в выходные: *«Муж оказывал такую помощь, как поездка в магазин, какие-то такие моменты бытовые, скажем, больше, чем уход за ребенком. Ребенок полностью на мне*

<...> Ночью я сама вставала. Он работал, и работал, и работал, и работал, и работал, а я сидела с ребенком. Помогал купать ребенка. Гулял папа у нас один раз в неделю, в воскресенье, когда было свободное время. А купать, да, купали мы вместе ребенка, потому что одному это тяжело сделать» (Ж., 31 г., замужем, дочь 3 л.).

Идеал заботы, вокруг которого выстроена данная модель родительства, связан с представлением о том, что наилучшим способом организации ухода за ребенком до трех лет является материнская забота, осуществляемая дома, поскольку именно в этот период жизни ребенок в наибольшей степени нуждается в материнской опеке и эмоционально теплой среде: *«В идеале мать должна сидеть с ребенком до трех лет <...> Роль матери в воспитании огромна» (М., 45 л., женат, сын 8 л.).* После достижения трехлетнего возраста оптимальной формой организации заботы является забота, осуществляемая в ДОО. По мнению респондентов, именно детский сад обеспечивает необходимую социализацию и развитие ребенка, в котором он нуждается и которое не может быть обеспечено в полной мере в семье. В следующем фрагменте интервью респондентка отмечает преимущества детского сада перед услугами няни, при этом она актуализирует смысловые контексты институциональной заботы: *«Детский сад лучше, чем няня. Ребенок с ней наедине, а детский сад — это общение с детьми <...> Выживание, так сказать, в социуме. Ребенок все-таки должен самостоятельным быть» (Ж., 29 л., не замужем, сын 1,3 г.).*

Вопросы о переопределении принципов осуществления заботы и перераспределении ее между родителями практически не обсуждаются респондентами. Как правило, и мужчины и женщины соглашались с гендерно-асимметричными родительскими ролями, являющимися частью конвенционально принятых представлений о нормативных гендерных сценариях. Предметом озабоченности для женщин является то, насколько полно они соответствуют идеалу «правильной», «хорошей и любящей матери», образ которой выступает для многих респонденток точкой референции. В представленном далее отрывке респондентка с гордостью говорит о том, как ей удалось наладить заботу о детях в соответствии с самыми высокими стандартами качества: *«У меня в этом плане [заботы о детях] очень высокие требования. У меня всегда все дети были чистые, и зубы чистить по утрам и вечером, и вечером душ, сколько надо мыть голову, столько и моем, прически и чистая одежда. И лучшее самое питание. Я старалась покупать им самые лучшие продукты, ходила на рынки, все сама выбирала, не готовила никаких полуфабрикатов, даже если пельмени, то только самокрутные. Здоровое питание, фрукты постоянно, овощи постоянно. Как врач сказал, что надо то-то и то-то, так и делаем. Если стоматолог сказал, что нельзя чупа-чупсы, мы не покупаем чупа-чупсы, мы берем только то, что можно. То есть у меня все супер-мега правильно, то есть я старалась сделать все, что я могу, для детей. Я считала, что это очень важно, создать детям лучшие условия, в которых они могут развиваться» (Ж., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.).* В целом материнство, выступая базовым элементом женской идентичности, оценивается положительно, наделяется позитивным эмоциональным смыслом, который связан с успешным выполнением предписаний нормативной гендерной роли.

Обычно в интервью матери повествуют о эмоциональных, временных и материальных затратах, связанных с заботой о ребенке, но этот материнский труд вознаграждается субъективным ощущением достижения идеала «хорошей матери». Успешность выполнения отцовской роли в первую очередь связывается мужчинами с выполнением функции добытчика, а также фактом наличия детей и символическим авторитетом в семье.

Родительство как обязанность. Данная идеал-типическая модель представляет родительство в терминах долженствования и набора задач, которые необходимо выполнить для достижения благополучия ребенка. Родительские роли рутинизируются, видятся респондентам как трудности, которые они должны преодолевать, и оцениваются как ограничивающие многообразие жизненного, профессионального опыта и досуговых практик респондентов. Для респондентки материнство — это ограничение свободы передвижения, а также личной независимости: *«Маме, прежде всего молодой, с маленьким ребенком, не хватает повода и намерений выйти из дома. Надо каждый раз заставить себя выйти из дома и куда-то пойти с ребенком. Это тяжело, это противоречит некоторым социальным установкам в нашем отечественном социуме <...> Я обнаружила, что, став родителем, ты больше не принадлежишь себе, для многих и для меня лично, хотя мне было 30 лет, когда я стала матерью, это самое главное открытие и потрясение. Ты ждешь одной непрекращающейся радости, а начинаются одни непрекращающиеся сложности. С этим надо как-то жить, а когда ты это обнаруживаешь, уже оказывается слишком поздно. Уже ничего не отменишь и бежать уже тоже слишком поздно. Надо просто воевать»* (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.).

Родительские роли, как и в предыдущих моделях, представлены как гендерно-поляризованные. Так, одна из участниц нашего исследования отмечает, что материнство стало причиной резкого изменения ее образа жизни как социально активной и карьерно-ориентированной молодой женщины. Тогда как образ жизни ее мужа остался прежним: *«У мужа, по-моему, все было отлично, все нормально, все спокойно. Это в душе женщины все [переживания по поводу кардинального изменения образа жизни] проходит, потому что муж как бы стандартно работает, приходит поздно, общается, как было до родов, так и после. Для него практически ничего не меняется, а для тебя — меняется, потому что ты находишься дома, бытовуха, все такое»* (Ж., 32 г., замужем, дочь 2,5 л.). Таким образом, материнство является рутинной, осуществляющейся в условиях дефицита времени, сил, материальных ресурсов. Матери представляют себя как «разрывающихся» между обязанностями по заботе и профессиональными обязанностями, между обязанностями по заботе о нескольких своих детях, между разными типами работы по дому. Они также жалуются на то, что материнство приводит к отсутствию свободного времени, сокращению карьерных перспектив, отсутствию досуга, невозможности заняться любимым делом или даже невозможности простого уединения.

Отцовство представлено либо как обязанность материального обеспечения семьи, либо (в случаях одинокого родительства) как необходимость выполнения всех функций по организации и осуществлению заботы о ребенке. В обоих случаях смысл отцовства раскрывается через категорию долга. Понима-

ние долга связано с ответственностью за благополучие семьи и выглядит как необходимость тяжелого, изнуряющего труда ради денег, невозможность бросить нелюбимую работу и выделить больше времени для досуга и семьи: *«Все же зависит от этой работы, от обязательств перед другими <...> то денег не хватает — надо работать, то еще чего-нибудь <...> все в это упирается. Раньше проще было. Раньше люди работали на заводе, в НИИ, летом ездили на море, как сейчас помню <...> на дачи. Я, может быть, своего отца чаще видел, чем мой ребенок меня сейчас. Вот сейчас такая ситуация, все в деньги упирается. Мы не олигархи, надо что-то зарабатывать, надо и кушать, и одеваться, и прочее. Работа, работа, эта дурацкая работа поглощает, конечно, много времени»* (М., 45 л., женат, сын 8 л.).

Забота как обязанность в отцовской версии также становится рутинной, которую отец пытается минимизировать. В нашем массиве интервью присутствует одна история, когда отец становится единственным субъектом заботы о ребенке после развода и отказа от ребенка со стороны матери. Отцовство респондент описывает как набор трудностей, которые ему приходится преодолевать: *«Первые 3 месяца было вообще тяжело, потому что его в садик еще рано. Периодически кто-то с ним сидел: подруга моя сидела, мама, но мама редко. Ну, и я ходил на работу. А потом, в полтора года, в садик его отдали, раньше, чем положено, попросили, чтобы взяли нас в садик <...> Мне нужен был обязательно круглосуточный садик. Поначалу я работал по ночам, ну, смены ночные, поэтому искал круглосуточный садик, чтобы можно было там на ночь оставлять <...> Няню приглашал, когда друзей не было, чтобы посидеть с ним, я должен был что-то сделать, а? У меня ребенок заболевает, мне нужно на работу срочно выйти, я нанимал няню»* (М., 23 г., не женат, ребенок 2,5 л.).

Идеал заботы в данной модели представляется довольно размытым, поскольку смысл родительства и содержание родительских ролей выстраиваются через отрицание или негативное отношение к выполняемым родительским практикам. В общем виде он может быть представлен как обязанность, которую стремятся передать другим субъектам заботы. В этом случае респонденты отмечают нечувствительность близких к их просьбам о большем участии в заботе или полное отсутствие других потенциальных субъектов заботы. Например, матери жалуются на недостаточное участие партнеров: *«Ему лень заниматься детьми, их проблемами. Ему проще отдохнуть, полежать, заняться какими-то своими делами. Ему не хочется вникать, разбираться, уделять время, внимание. Больше любит себя»* (Ж., 38 л., замужем, дочь 15 л., сын 7 л.).

Восприятие родительства в качестве обязанности, долга и ограничения выступает источником стресса и эмоционального напряжения как мужчин, так и женщин. Налицо гендерная асимметрия, необходимость выполнения предписанных обязанностей по уходу за ребенком или материального обеспечения семьи в качестве основного субъекта заботы со стороны отцов и матерей: *«После родов было, конечно, такое — и депрессия, стандартно у женщин, депрессивный момент был, потом уже переоценка ценностей, то, что ребенок — это уже навсегда, это не просто пришел-ушел. Ты отдаешь уже всю свою жизнь, все свое эмоциональное состояние, это уже член семьи»* (Ж., 32 г., замужем, дочь 2,5 л.); *«Мне пришлось выбирать, там была творческая работа, мне в принципе инте-*

ресно было, но я не мог себе позволить, пришлось отказаться, я должен зарабатывать деньги. Вот так пришлось» (М., 38 л., женат, сын 4 л.).

Родительство как один из жизненных проектов представляет собой современную версию детско-родительских отношений. В отличие от других моделей в этом случае родительство является результатом сознательного выбора респондентов, которые соотносят момент рождения ребенка и общие жизненные планы (получение образования, карьерные перспективы, жилищные условия, материальное благополучие, уровень потребления и т. п.). В следующем фрагменте интервью молодая карьерно-ориентированная женщина говорит о том, как было принято решение о рождении ребенка. При этом она пытается связать репродуктивные планы с профессиональными. Она также представляет решение о рождении ребенка как принятое совместно, используя местоимение «мы»: *«Сначала мы <...> у нас финансовой не было возможности, плюс, учитывая, что я тоже работаю в этой компании, в которой муж. У нас сейчас там 7 человек работает, и я, считай, там второй практически человек в компании, если я уйду в декрет, то это будет очень тяжело в принципе для бизнеса. Поэтому какое-то время, первые полтора года условно, ну, два, мы больше этим руководствовались. А потом мы думали, что вот, мы сейчас поженимся и все» (Ж., 29 л., замужем, сын 1 г.). Родительство мыслится не само собой разумеющимся этапом жизненного цикла или подтверждением нормативной гендерной роли, не обязанностью, а результатом рефлексивного выбора субъекта, выстраивающего свою жизненную траекторию. Родительство является сферой личностной реализации, однако профессия, хобби и увлечения выступают также не менее значимыми областями жизни респондентов. Основной смысловой канвой, которая задает обсуждение родительства в данной модели, является поиск баланса между профессиональными, семейными и родительскими ролями: *«Я считаю, что очень многие мамы переходят эту грань [баланса между карьерой и семьей], рожая ребенка, они садятся дома, бросают работу и считают, что они правы. То есть они готовят супы, борщи, пичкают ребенка, гоняются за ним по детской площадке, это не мой путь. Я против такого решения проблемы. Я считаю, что грамотное и ответственное решение в этой ситуации — уделять ребенку столько времени, сколько ты можешь, продолжать карьеру, продолжать самореализацию, зарабатывать деньги» (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.).**

Проблематика баланса становится актуальной прежде всего для женщин, которые выступают субъектами поиска и установления способа совмещения работы и семьи. В целом данная идеал-типическая модель родительства носит переговорный характер. Партнеры обсуждают время и жизненные обстоятельства, в которых возможно рождение ребенка. Как правило, рождение ребенка представлено в интервью не как случайное или естественное событие, а как результат осознанного выбора и планирования. Также предметом переговоров становятся время и материальные ресурсы, которые каждый из родителей может потратить на осуществление заботы, принципов организации и разделения обязанностей, связанных с уходом за ребенком и воспитанием его. При этом принципы разделения и содержание родительских ролей, размеры вкладов каждого из партнеров не являются естественными, биологически детерминиро-

ванными и единожды установленными, а представляют собой континуум переговоров, переопределяющих условия родительского контракта в зависимости от профессиональных и жизненных условий каждого родителя, а также возраста и количества детей. В отличие от традиционного родительства с четким разделением отцовской и материнской ролей, данная модель в идеале предполагает гендерно-нейтральное содержание родительских ролей. Соответствующие интервью содержат рассказы об успешном совмещении родительских и профессиональных обязанностей, когда респондентам удается делать карьеру, заниматься хобби, а также самореализовываться в сфере родительства: *«Сначала, в первый год жизни моего ребенка я пыталась водить машину, потом я пошла восстанавливать свой английский. Потом я поехала в Штаты. Потом я вышла на работу. Потом я уехала в Индию, сейчас я опять работаю. Причем у меня две работы. Я работаю в государственной службе, и я преподаю <...> Какое-то время надо все равно отдать полностью ребенку, но грань найти возможно. Надо к этому стремиться»* (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.).

Идеалом заботы здесь выступает забота, осуществляемая обоими родителями при участии третьего субъекта (бабушки и ближайшие родственники, няни): *«Я стараюсь все сочетать, но это не просто, нужны помощники по хозяйству, те, кто может подхватить ребенка»* (Ж., 33 г., замужем, дочь 3 л.). Респондентка, для которой поиск баланса выступает одной из центральных проблем осуществления собственного родительства, отмечает большую степень участия мужа в осуществлении заботы о ребенке. Совмещение семьи и работы обоими партнерами предполагает их полноценное участие как в профессиональной занятости, так и в выполнении домашней работы и обязанностей, связанных с уходом за ребенком. Однако без поддержек со стороны государства, родственников или рынка реализация такой модели родительства является проблематичной. Поэтому респонденты, ориентированные на эгалитарные ценности в сфере семьи и родительства, вынуждены прибегать к помощи третьего субъекта заботы, которыми в российских условиях, в ситуации недостатка институциональных поддержек со стороны государства, выступают представители старшего поколения, другие родственники или наемные работники (няни). Родительство выстроено вокруг интересов и благополучия ребенка, что делает особенно важным для родителей выбор не просто медицинских и образовательных услуг и агентов, их предоставляющих, а их качества. Критерием выбора необходимых сервисов служит личность ребенка, его интересы и склонности. Родители готовы тратить время и деньги на поиск и потребление необходимой услуги. Респонденты нашего исследования являются участниками виртуальных родительских форумов, а также реальных сообществ родителей, цель которых — общение, обмен информацией, совместная экспертиза услуг и товаров для детей.

Эмоциональное восприятие родительства амбивалентно окрашено. Позитивное восприятие родительства обусловлено сознательностью выбора родительского проекта, возможностью его переформатирования исходя из потребностей респондентов. Кроме того, родительство приносит удовлетворение, т. к. рассматривается в качестве важной сферы личностной самореализации. В этом контексте для восприятия родительства возникает категория «счастья». Его

удается достичь путем успешного комбинирования родительских и профессиональных обязанностей: *«Моя практика показала, что главное — мама должна быть счастливой. Если для нее счастье выйти на работу в три месяца, то ей по-любому надо выходить»* (Ж., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.).

Вместе с тем родительство выступает источником беспокойства, обусловленного необходимостью совершения ответственных выборов и принятия решений, направленных на достижение благополучия ребенка. Чувство ответственности предъявляет повышенные требования не только к содержанию, но и выполнению родительских ролей на индивидуальном уровне. Родительство становится источником потенциальных и реальных конфликтов, связанных с необходимостью постоянных переговоров и поисков баланса. Не всегда условия соглашений между родителями, а также третьими субъектами, включенными в осуществление заботы, в полной мере удовлетворяют ожиданиям сторон и приводят к устраивающим всех компромиссам.

Родительство как сфера самореализации. Данная идеал-типическая модель, так же как и предыдущая, связана с пониманием родительства как важного способа личностной реализации. Однако в этом случае она рассматривается как приоритетная сфера, и проблема поиска баланса семьи и работы здесь оказывается не релевантна. Такой тип родительства является гендерно-маркированным. В большинстве случаев он характерен для матерей, которые в силу традиционной гендерной культуры и поддержек, предоставляемых государством в рамках проводимой им семейной политики, делают выбор между работой и заботой в пользу материнства.

Такое родительство также характеризуется рефлексивностью, является результатом планирования и соглашения между партнерами. Матери говорят о том, что они сознательно выбрали полное материнство, а также обсудили этот выбор и условия семейного контракта заботы с партнером: *«В самом начале наших отношений, когда мы поняли, что намерения у нас очень серьезные, мы с Сашей все обсудили. Я считала это очень важным, с самого начала обо всем договориться, чтобы потом не было недопонимания. Оказалось, что мы одинаково смотрим на многие вещи. Например, мы выяснили, что мы оба любим детей, что мы хотим, чтобы у нас их было, как минимум, трое. Мы решили, что Саша будет работать, а я буду с детьми столько, сколько это будет необходимо для них. То есть мы все-все обговорили вот так, еще в самом начале»* (Ж., 28 л., замужем, дочь 1,5 г.).

Идеал многодетности связан с длительным периодом отсутствия женщины на рынке труда, что уменьшает для нее возможности оптимального совмещения профессиональных, семейных и родительских обязанностей. Кроме того, женщины рассматривают сферу оплачиваемого труда как рутинную, монотонную, изнуряющую, холодную. В противовес ей материнство представлено как сфера творчества, самореализации, свободы и эмоциональной теплоты: *«Я на самом деле рада что ушла в декрет. Для меня работа казалась скучной, каждый день с десяти до шести, света белого не видишь. Я просто, наверно, для этого не предназначена. Поэтому, когда у меня появилась такая возможность, чтобы не работать, я ушла, ушла в декрет, чему несказанно рада»* (Ж., 26 л., замужем, сын 2,5 л., сын 6 мес.).

Идеалом заботы в данной модели выступает полная материнская забота, осуществляемая дома. Мать является основным поставщиком заботы о детях. Модель идеализирует качества материнской заботы, приписывая им безусловный, эмоционально теплый характер. Респонденты упоминают, что между матерью и детьми существуют особые связи, которые позволяют ей наилучшим образом понимать желания и потребности ребенка: *«Вот эта связь, о которой я говорю. Со своим ребенком, я когда родила, я почувствовала, что это реально, потому что ты понимаешь, что хочет твой ребенок, и ты абсолютно не понимаешь, чего хочет другой ребенок»* (Ж., 35 л., разведена, трое детей 5 л., 3,5 л. и 1,2 г.). Связь между матерью и ребенком не всегда понимается как биологически заданная. В интервью можно обнаружить упоминания о работе, которую совершают матери по установлению этой связи: *«Во время беременности я ходила на курсы по установлению связи с ребеночком. Со вторым у меня поэтому уже другие отношения, я его очень хорошо чувствую. Эта связь начинает устанавливаться уже в самом начале беременности, очень важно уже с самого начала обращать на это внимание, стараться почувствовать его»* (Ж., 26 л., замужем, сын 2,5 л., сын 6 мес.).

Максимально возможное эмоциональное, когнитивное и физическое развитие ребенка становится для матери приоритетной сферой ее персональных интересов и креативности. При этом материнство не рассматривается исключительно в качестве естественной сущности женщины, а предполагает приобретение сложных и специализированных знаний, навыков и умений. Для этого матери посещают специализированные курсы, занимаются самообразованием, активно обсуждают с другими родителями тонкости воспитания и ухода за детьми. В некоторых случаях материнство и связанные с ним интересы могут стать основой профессионального выбора, когда женщины готовы изменить свою профессиональную биографию и получить дополнительное образование в области детской психологии, педагогики, педиатрии или организовать частный детский сад, развивающий центр для детей. Следующие цитаты представляют приобретение специализированных профессиональных навыков как необходимое условие для реализации социального материнства: *«Я хочу пойти учиться на детского психолога. Я поняла, что работа в банке мне не интересна. Не знаю, буду ли я работать психологом, но я хочу лучше понимать своих детей, хочу узнать, как решать их проблемы, правильно развивать, например заниматься с ними. Моя подруга собирается открыть свой детский сад, сейчас узнает там разные подробности, как это сделать. И она мне говорит: “Давай, ты будешь у нас психологом”. Так я бы только рада была»* (Ж., 26 л., замужем, сын 2,5 л., сын 6 мес.).

Данная идеал-типическая модель родительства выступает для респондентов источником положительных эмоций. Специфика родительского труда создает условия для креативности и самореализации, что повышает самооценку матерей, обеспечивает чувство собственной значимости и ощущение востребованности, т. к. успехи ребенка рассматриваются как персональные достижения матери: *«Я радуюсь успехам дочки, для меня это как мои собственные успехи. Возможно, со стороны это не бог весть какие достижения, но для меня все это так важно, как она пошла, что сказала, чему уже научилась. Я стараюсь»*

сделать все, чтобы создать ей максимальные условия для развития, чтобы она могла развиваться, чтобы у нее было все. Я имею в виду не только материальную сторону, но и материнскую любовь, и теплые отношения в семье, чтобы она могла расти полноценным человеком и не ощущала никакой неполноценности» (Ж., 28 л., замужем, дочь 1,5 г.).

Итак, анализ интервью показал, что родительство — это гетерогенное смысловое поле, в котором сосуществуют, а иногда и входят в противоречие между собой различные представления о том, как должна быть организована забота о детях, кто ее должен осуществлять и в каком виде. Материнство выступает конституирующим элементом биографий женщин, хотя его понимание может находиться в пределах от естественного предназначения женщин и подтверждения нормативной гендерной роли до рефлексивного индивидуального выбора и сферы самореализации. На уровне индивидуальных биографий материнство репрезентировано как совокупность теплых, эмоционально насыщенных связей между женщиной и ребенком, которые определяют представления о «хорошей материнской заботе», необходимой для полноценного развития ребенка, особенно в раннем возрасте. Общим для всех представлений о «хорошем» или идеал-типическом родительстве является то, что в возрасте до полутора-двух лет наилучшей формой организации заботы о ребенке выступает материнская забота, которая осуществляется дома. Другим общим конвенциональным моментом в обсуждении принципов организации заботы о детях является представление о желательности посещения ребенком старше трех лет детского сада. Распространенный объясняющий мотив — мнение о важной роли детского сада в социализации ребенка, получении им коммуникативных навыков, умений общаться со сверстниками.

Отцовская роль в заботе о детях практически во всех интервью представлена как редуцированная. Даже в тех случаях, когда роль отца проблематизируется респондентами, представляется как активная и связанная с вовлечением в заботу о детях, практики отцовства носят фрагментарный характер и ограничиваются выполнением отдельных функций ухода и воспитания (купание, чтение перед сном, прогулки в выходные дни и т. п.). Отцы могут и готовы осуществлять ежедневную рутинную заботу о детях, однако это происходит в тех случаях, когда другие, более конвенциональные акторы заботы (например, мать, бабушка) по объективным причинам не могут ее выполнять.

Мы рассматривали представления о родительстве в контексте индивидуальных жизненных проектов мужчин и женщин. Но смысловое поле родительства не исчерпывается горизонтом индивидуальной биографии. Современное родительство является гетерогенным, формирующимся на пересечении медицинских, педагогических, религиозных, политических дискурсов. Оно также активно конструируется индустрией детства и потребительскими практиками родителей [1]. Все эти дискурсы о родительстве являются чрезвычайно важными для формирования идеал-типических моделей. Однако в данном исследовании нас интересовали те смыслы и значения, которые мужчины и женщины приписывают своим родительским ролям, идентичностям и практикам в контексте индивидуальных биографий.

Библиографический список

1. Чернова Ж., Шпаковская Л. Политэкономика современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал // Экономическая социология. 2011. Т. 12, № 3. С. 85—105.
2. Gatrell C. Hard Labour. The Sociology of Parenthood. New York : Open University Press, 2005. 236 p.
3. Hochschild A. The Commercial Spirit of Intimate Life and Other Essays. San Francisco ; Los Angeles : University of California Press, 2003. 321 p.
4. Hochschild A. The culture of politics: traditional, postmodern, coldmodern, and warm-modern ideals of care // Social Politics. 1995. Vol. 2, № 3. P. 331—346.
5. Kremer M. The politics of ideals of care: Danish and Flemish child care policy compared // Social Politics. 2006. Vol. 13, № 2. P. 261—285.

ББК 63.3(2)633-284.3

М. Н. Аксенова

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1960—1980-х гг.:
ОПЫТ КОГОРТНОГО АНАЛИЗА**

Как известно, основным трендом изменения рождаемости в XX в. стал массовый переход к малодетности. На протяжении жизни всего трех-четырех поколений россиянок рождаемость сократилась с 7,5 живорождений в среднем на одну женщину в конце XIX в. до 1,2 в конце XX в.; с 7,2 ребенка в расчете на одну женщину из поколения, родившегося в конце 1860-х гг., до 1,6 — для поколения, родившегося в конце 1960-х гг. К концу 1950-х гг. РСФСР, как и другие европейские республики СССР, по уровню рождаемости не отличалась от западных стран [5, с. 149].

К началу 1960-х гг. красноярские сельчанки вместе со всем населением республики уже прошли период модернизации рождаемости, начавшийся еще в конце XIX в. В ее основе лежала трансформация репродуктивного поведения, когда «человек осознает, а общество признает за ним право самому решать, сколько и когда иметь детей» [2, с. 136]. В данной работе делается попытка исследовать изменение рождаемости у разных поколений сельчанок Красноярского края в 1960—1980-х гг., поскольку, согласно новейшему теоретическому исследованию, «социальная сущность макродемографических тенденций обнаруживается на микроуровне — при анализе демографического поведения» [9, с. 46].

К 1960-м гг., по мнению многих ученых, модернизация рождаемости пошла к своему заключительному этапу [5, с. 157; 8, с. 44—45]. Уход от тради-